

1

Когда становилось плохо, за дело брался Твиннингс. Я сидел у него за столом. На этот раз я затянул, давно надо было к нему обратиться, но несчастье крадет у нас силу воли. Торчишь в кафе, пока не кончится вся мелочь, потом бессмысленно шатаешься по округе и только воздух дырявишь. Полоса невезения не желала заканчиваться. У меня оставался еще один костюм, в котором можно было показаться на глаза людям, зато ногу на ногу класть было нельзя: подошвы протерлись до самых стелек. В таком положении предпочитаешь одиночество.

С Твиннингсом мы служили в легкой кавалерии, он прирожденный услужливый посредник, мастер сводить людей. Много раз помогал мне советом и делом, как и другим нашим товарищам. У него были

хорошие связи. Он меня выслушал и дал понять, что я могу рассчитывать только на такие должности, какие соответствуют моему положению, то есть на те, где есть какая-то загвоздка или подвох. Ну что же, он прав, в моем положении выбирать не приходится.

Мы были дружны; впрочем, Твиннингс дружил со всеми, кого знал и с кем не успел рассориться. Такое уж у него было ремесло. Со мной он не церемонился, но меня это не обижало. Скорее я относился к нему как к врачу, который обследует пациента и не болтает лишнего. Он схватил меня за отворот пиджака и пощупал материал. Я заметил, что на ткани остались пятна, я как будто стал острее видеть.

Он стал в мелочах выяснять мои обстоятельства. Меня сильно потрепало, я многое повидал, но так ничего особенно и не нажил, никакой ценной профессии, честно сказать. Лучшие должности — это те, что приносят большой доход, а работать при этом не надо, и все тебе завидуют. Но разве у меня была влиятельная респектабельная родня, как, например, у Паульхена Доманна, у которого тесть строил локомотивы и за одно утро зарабатывал больше, чем иные за

год, впахивая без выходных. Чем крупнее объекты, на которых работаешь, тем меньше с ними возни: локомотив продать легче, чем пылесос.

Был у меня дядюшка-сенатор. Давно помер и забыт. Отец прожил тихую чиновничью жизнь, скромное наследство давно растворилось. Женился я на бесприданнице. Мертвый сенатор и жена, которая сама открывает дверь, когда звонят, — с этим империи не построишь.

А есть должности, где надо вкалывать, не рассчитывая на большую прибыль. Можно ходить от дома к дому и продавать стиральные машины или холодильники, пока не начнет тошнить от каждой следующей двери. Можно раздражать старых товарищей, напрашиваясь в гости, уничтожая их запасы и выпивая все мозельское. Твиннингс улыбался и не обращал на это внимания, спасибо ему. Он мог бы меня спросить: неужели я не научился чему-нибудь полезному? Хотя ведь знал, что я служил в танковой инспекции, но знал так же и о том, что я там числился в черных списках. Я об этом еще расскажу.

Остались занятия рискованные. Можно удобно устроиться, наладить жизнь, но

потерять спокойный сон. Твиннингс вкратце перечислил варианты: речь шла о работе вроде бы полицейским. У кого нынче нет своей полиции? Времена беспокойные. Приходится охранять жизнь и имущество, поместья и перевозки, отражать шантажи и нападения. Бесстыдство росло пропорционально филантропии. Ни одна знаменитость не могла больше рассчитывать на защиту общества, необходимо было иметь в доме собственную палку.

Но и здесь спрос превышал предложение. Хорошие места уже были заняты. Другей у Твиннингса было много, а для солдат времена были тяжкие. Была леди Бостен, чудовищно богатая и еще молодая вдова, которая тряслась над своими детьми, особенно после того, как отменили смертную казнь за похищение ребенка. Но ее Твиннингс охраной уже обеспечил.

Был еще Престон, нефтяной магнат, одержимый любовью к лошадям. Он вкладывал в свои конюшни миллионы без счета, как старый византиец, лошадепоклонник, который ради удовлетворения своей страсти ни перед какими тратами не остановится. Лошади у него содержались как боги. Каждому надо на чем-то душу отвести.

Престон считал лошадей более подходящими для этого, нежели флот из танкеров и лес из буровых вышек. Лошади его окрыляли. Но и хлопот с ними не оберешься. В конюшне, при перевозке, на скачках нельзя глаз с них спускать. Тут и стговор жокеев, и зависть дураков соперников, и все страсти, связанные с крупными пари и соревнованиями. Ни одну диву так не охраняют, как скаковую лошадь, которая должна взять первый приз. Это работа для старого кавалериста, влюбленного в лошадей и знающего их, как родных. Но это место занял уже Томми Гилберт и половину своего эскадрона устроил. Престон держался за них обеими руками.

На Ронд-Пойнт одна богатая шведка искала телохранителя. У нее их уже много побывало, она так оберегала свою добродетель. Но чем строже вновь нанятый относился к своим должностным обязанностям, тем неизбежнее дело заканчивалось отвратительным скандалом. Женатых на эту работу вообще не брали.

Твиннингс перечислял все эти должности одну за другой, как повар зачитывает меню десертных блюд. У всех посредников такая своеобразная черта. Он старался раз-

жечь мой аппетит. Наконец перешел к конкретным предложениям, и можно было поспорить: уж тут подвох на подвохе!

Джакомо Дзаппарони, пока еще не знающий счета своим капиталам, хотя еще его отец с дорожным посохом в руках пересек Альпы. Не было ни единой газеты, ни одного журнала, ни одного экрана, с которого бы не звучало его имя. Его заводы располагались неподалеку. Он стал монополистом благодаря собственным изобретениям и интерпретациям чужих.

Журналисты плели небылицы обо всяких штуках, что он производил. Кто имеет, тому да будет дано: может, все нафантазировали. Заводы Дзаппарони производили роботов любого назначения, по индивидуальному заказу и стандартные модели, которые можно увидеть в любом хозяйстве. Речь шла не о крупных автоматах или станках, как можно было бы подумать. Дзаппарони специализировался на роботах-лилипутах. За редкими исключениями, его аппараты не превышали по размерам арбуз, в обратную сторону его изобретения уменьшались до крошечных размеров и походили на китайские редкие безделушки, на интеллектуальных муравьев, действовавших всегда

сплоченными подразделениями в определенном механизме, но не на молекулярном уровне. Таковы были коммерческие принципы Дзаппарони, если угодно, его правила игры. Порой казалось, будто он любой ценой из двух решений выбирает самое утонченное и рафинированное. Но такова была суть времени, а уж он-то умел подстроиться под любую эпоху.

Дзаппарони начинал с крошечных черепашек, которых называл селекторами и пускал в дело, когда речь шла о тончайшем отборе. Они считали, взвешивали и сортировали драгоценные камни или банкноты, попутно выявляя фальшивки. По тому же принципу работала его техника и на опасном производстве, на испытаниях взрывчатых веществ и заразных, ядовитых субстанций. Целый рой таких селекторов не только улавливали и фиксировали мельчайшие очаги возгорания, но и тут же их тушили. Другие запаивали разрывы в проводах, третьи вообще питались сором и грязью и были незаменимы для идеальной уборки.

Дядюшка мой, сенатор, при жизни страдавший сенной лихорадкой, мог больше не утруждать себя поездками в горы, после того как в продаже появились селекто-

Эрнст Юнгер

ры Дзаппарони, натасканные на поглощение пылицы.

Аппараты Дзаппарони скоро стали незаменимы не только для промышленности и науки, но и для домашнего хозяйства. Они экономили рабочие силы и сделали технику одушевленной, какой ее прежде никто не знал. Изобретательный ум нашел свою нишу, которую никто до сих пор не обнаружил, и освоил ее. Именно таким способом делается самый успешный и крупный бизнес.

Твиннингс намекнул, в чем у Дзаппарони загвоздка. Точно никто не знал, но примерно можно было вычислить. Неприятности с рабочими. Когда хочешь заставить материю мыслить, без оригинальных умов не обойтись. Да еще эти крошечные масштабы. Должно быть, поначалу создать кита было проще, чем колибри.

На Дзаппарони трудился целый клан превосходных специалистов. Фабрикант любил более всего, когда изобретатели, принесшие ему разработанную модель, поступали к нему в штат. Они ставили свои изобретения на поток или модифицировали их. Преобразование было особенно важно в отделах, подверженных влиянию мо-

ды, например, в отделе игрушек. Здесь наступила истинная эра Дзаппарони, нечто прежде невиданное: он создал целую лилипутскую империю, живую карликовую вселенную, посреди которой не только дети, но и взрослые в мечтах забывали о времени. Это превосходило любые фантазии. Но это карликовое действие ежегодно к каждому следующему Рождеству требовало новой сценографии и новых действующих лиц.

Дзаппарони платил своим работникам, как платят профессорам и министрам. Они добросовестно отработывали свое жалование. Увольнение любого инженера означало бы невосполнимую потерю и чуть ли не катастрофу, если уволившийся кадр продолжит свою работу в другом месте на территории страны, а еще хуже — за границей. Богатство Дзаппарони, его монополизм и власть основывались не на одной только промышленной тайне, но на уникальной технике, которую годами разрабатывали уникальные умы. И эту технику создавали рабочие — их руки, их головы.

Увольнялись от Дзаппарони редко, еще бы, при таком королевском вознаграждении. Но исключения все же бывали. Человек всегда чем-нибудь недоволен. Всем из-

вестно, старо, как мир. Поэтому и персонал у Дзаппарони был ох какой непростой. Больно уж работа особенная. Многолетнее корпение над мелкими, сложнейшими механизмами оттачивает характеры, формирует вредных эгоистичных существ, которые злятся даже на пыль в солнечном луче и придираются к любой мелочи. Ох уж эти возвышенные натуры, художники, мастера-виртуозы, способные подковать блоху, высокомерные снобы с фантастическим воображением. Технический мир Дзаппарони, уже сам по себе чудной, был населен духами с самыми редкостными странностями. Поэтому кабинет фабриканта часто напоминал приемную психиатра. Осталось, пожалуй, только заменить людей на роботов, чтобы они производили других роботов. А это было бы все равно что изобретение философского камня или квадратуры круга.

Дзаппарони пришлось смириться. Скверный нрав сотрудников относится к сущности предприятия. Фабрикант неплохо справлялся. На производстве он был очарователен и обходителен в обращении с людьми, как итальянский импресарио, и доходил в этом до пределов возможно-

го. Технически одаренная молодежь только и мечтала, чтобы отдать всю себя производству Дзаппарони. Хозяин редко терял самообладание и был неизменно дружелюбен. Однако в определенный момент это доходило до полного безобразия.

Разумеется, Дзаппарони старался себя обезопасить, подписывая контракт с очередным новым сотрудником, пусть даже делал он это самым приятным образом. Все контракты были пожизненные, в них были прописаны и рост жалованья, и премии, и страховки, и выплаты в случае нарушения договора, и конвенциональные штрафы. Кому повезло заключить с Дзаппарони трудовой договор, тот отныне назывался мастером или автором и был кум королю. Он обзаводился собственным домом, автомобилем, катался в оплачиваемый отпуск на Тенерифе или в Норвегию.

Имелись, конечно, и некоторые тонкости. Правда, едва заметные, и касались они, если уж называть вещи своими именами, введения продуманной системы наблюдения. А на нее работало разнообразное оборудование, обозначаемое невинными названиями, которыми нынче маскируют деятельность секретных служб. Одно из этих

названий, кажется, бюро расчетов. Дела, заведенные этим подразделением на каждого из сотрудников Дзаппарони, выглядели как полицейские досье, только гораздо подробнее. Сегодня приходится просвечивать человека насквозь, чтобы знать, чего от него ждать, ибо искушения велики.

Ничего в этом нет недостойного. Предусмотрительность во имя доверия есть обязанность тех, кто руководит крупными предприятиями. И тот, кто помогал Дзаппарони уберечь его тайну, существовал на сохранной стороне.

Но что, если один из специалистов решит уволиться по закону? Или просто уйдет, уплатив неустойку? Это и было слабое место системы Дзаппарони. В конце концов, удержать силой он никого не мог. В этом была для него великая опасность. Он был заинтересован в том, чтобы продемонстрировать своим сотрудникам всю невыгодность такого увольнения. Существует множество способов приструнить кого надо, особенно, если деньги не имеют значения.

Во-первых, можно навязать человеку судебный процесс. Некоторым и этого хватало. Но в законе можно найти лазей-

ку, закон давно уже вяло ковыляет за техническим прогрессом. Вот, скажем, что такое авторство? Это, скорее, блеск верхушки коллектива, нежели личная заслуга, авторство нельзя просто так заменить или присвоить. Похожее дело обстояло и с мастерством, которое в течение тридцати-сорока лет развивалось на предприятии и шлифовалось за его счет. Это не могло быть индивидуальной собственностью. Но индивидуум-то — вот он, один-единственный, неделимый или все-таки делимый? Такие вопросы не решаются грубым полицейским вмешательством. Для этого существуют доверенные должностные лица, пользующиеся известной независимостью. Суть их деятельности нигде не прописана, никем не озвучена, о ней можно лишь догадываться. Интуитивно.

Вот что приблизительно уловил я в намеках Твиннингса. Комбинации. Предположения. Может быть, он знал больше, чем говорил, а может, и меньше. В таких случаях лучше сказать меньше, чем выболтать лишнее. Я и так уже понял достаточно: нужен человек для стирки грязного белья.

Эта работа не для меня. Не стану говорить о морали, смешно, ей-богу, я же про-